

К вопросу о революционных вспышках крестьян Переславского уезда XIV—XVIII вв.

Богатейшие материалы изданы для истории городов, сёл, деревень, главным образом с точки зрения материальной культуры. Мы можем по описаниям различных приказных, дьяков, приставов и прочих чиновников древнемосковского государства восстановить целые деревни и города, но скупа, ах как скупа история в описании быта древней Руси. Если есть ещё немало сведений о жизни князей, бояр и духовенства, то есть сословия привилегированного, то сведений о жизни и быте «тяглого сословия», крестьян, «чёрных людишек» и прочего населения, составлявшего основную массу Московии, совершенно нет.

Настоящая статья является только кратким перечислением того, что можно было найти по этому вопросу в многочисленных документах по Переславскому краю.

Отсутствие архивных данных о жизни населения Московского государства можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, на различные стороны жизни этих людей мало обращали внимания, и только в исключительных случаях, при каких-нибудь уж сверхъестественных происшествиях, заводились дела о «лиходеях, разбойных людях, татях» и прочих.

Только крупные выступления притеснённых, как Булавинский, Разинский, Соляной, Пугачёвский и другие «бунты», получили место в истории, благодаря действительно крупному размаху этих выступлений и многим документам, исходившим из рук самих бунтовщиков.

Вообще же различные революционные движения было просто невыгодно описывать и предавать гласности уже потому, что этим колебалась вера в существующее положение вещей, которое в головах правившего класса считалось незыблемым и не представлялось иным.

«Бунтовщики» же, напротив, очень ясно и определённо представляли совсем иное положение, и у них в головах было устройство другого государства — государства холопов, в котором будет вольное, казацкое управление (кстати сказать, прообраз органа диктатуры пролетариата — Советов), полное уничтожение частной собственности, свободы совести, физическое уничтожение угнетателей-князей, помещиков, бояр и прочих.

Эти идеи находили себе всегда сторонников и поэтому спокойным Московское государство никогда не было.

Несмотря на юридическую свободу, крестьяне бегут от помещиков на юг, на Дон, на Кубань, где много земли и вольная жизнь.

Причины эти общеизвестны. Сначала вольные, за долг они вынуждены были идти «в кабалу» к тому, кто дал им взаймы деньги, из кабалы, из холопства выхода не было и оставалось лишь бегство в казаки.

Так, 10 ноября 1589 года «докладная записка» нам приносит сообщение: «те, господине, Сергей, а прозвище Томило, да Фёдор, а прозвище Гаряин, люди вольные государя царя и великого князя, емлют (берут) у меня... Семёна Ивановича Чемоданова¹ четыре рубли денег, а в тех деньгах даютца государю моему Семёну Ивановичю на ключь в Переславской уезд в его село в Спаское, а по ключю и в холопи».²

*Васильев, С. Д. К вопросу о революционных вспышках крестьян Переславского уезда XIV—XVIII вв. / С. Д. Васильев // Переславский музей-заповедник. Научный архив. Научные статьи. Дело 85. Листы 1—5.

¹Боярин Семён Иванович Чемоданов, владелец нескольких сёл и деревень Переславского уезда.

²Смирнов, А. В. Материалы для истории Владимирской губернии / А. В. Смирнов. — Владимир: Типо-литография губернского правления, 1906. — Т. 4. — № 628.

Так, как будто, просто. Человек продаётся другому человеку за 4 рубля, которые взял в долг и не мог отдать. Да не один, а двое. Человеческая свобода расценивалась в 2 рубля. За 2 рубля помещик тешился над «холопом», как хотел. Люди продавались, как товар, дарились, их не считали за что-нибудь ценное. Их жизнь была ничто. Вот, например, купчая 1657 года.¹

«Се яз князь Иван Ондреевич Голицын продал есми... впрок (то есть навсегда. — С. В.) без выкупу вотчину свою... в Переславском уезде Залесского в Нерском стану сельцо Внуково на Прудех, а в нём двор приказщиков, а крестьянских дворов и во дворах крестьян и жён их и детей и внучат и племянников... а те крестьяне з жёнами и з детми, с сыновьями и з дочерми, и со всеми их крестьянскими животы и со всякою животиною и с хлебом со всяким с стоячим и с молочёным, и со всяким ржаным и яровым хлебом...»

Самая беспощадная эксплуатация, рабство в самом мрачном смысле этого слова — вот в одной фразе быт русского крестьянства на протяжении многих веков. Крестьянство реагировало на это сначала массовым бегством, а потом уже и «бунтами».

Эти беглые, образовав главную массу казацкой голытьбы, и были сподвижниками Разина, Болотникова и Пугачёва.

Не лучше жилось крестьянам и монастырским. Ещё большая эксплуатация, чем у помещиков, смешана была с религиозным ханжеством. Монастыри владели громадным количеством крепостных (например, Горицкий имел свыше 5 000 душ) и извлекали из этого, конечно, немалые прибыли.

Эти крестьяне также бежали.

При всей своей скупости история даёт нам и имена бежавших.

«Да ис той ж моей вотчины, — пишет в купчей князь И. А. Голицын, — бежали (из с. Внукова) крестьяне Ондрюшка Левонтиев, Ивашко Яковлев, Олешка Мартьянов в прошлом во 146-м (1634) году».²

Да в деревне Сотме Петрушка и Еска Ивановы «з братом, з жёнами и з детми и з животы».³

Да в деревне Сотме «крестьяне же в бегах: Аникейко Остафьев з детми да крестьянин Алферко Денисов».⁴

Да крестьянин «Переславского уезда Залесского села Алексина... Спирка Варфоломеев, которой... збежав».⁵

Далее приводить не стану. Таких строк можно сосчитать немало.

В XIV—XV веках крепостных ещё не было. Но крестьянам приходилось туго. Дорожные повинности, оброки монастырям, правительству как деньгами, так и натурою, были непосильны. Особенно тяжело отражались на крестьянах проезды царей на богомолье, что особенно часто случалось в Переславле.

Царь, «окружённый сонмом бояр и чиновников, не видал печалей народа, и в шуме забав не слышал стонаний бедности; скакал на борзых ишаках, и оставлял за собою слёзы, жалобы, новую бедность: ибо сии путешествия государевы, не принося ни малейшей пользы государству, стоили денег народу: двор требовал угощения и даров».⁶

С другой стороны, крестьянская земля теснилась землями вотчинников, бояр и монастырей. Им ежегодно давались новые жалованные грамоты и крестьяне вынуждены были спорить о праве на землю. Споры были долгие, основанные на разных грамотах и документах: и чтобы эти споры запутать, крестьяне решались на такие меры, как уничтожение этих документов. Так, в 1619 году монастырского «служку на дороге... ограбили и тот их ящик з жаловальными грамотами и з даными крепостьми у него отняли».⁷

А уже если нельзя было судебным порядком получить назад землю, крестьяне отвечали выступлениями, которые, однако, кончались репрессиями. Так, крестьяне дер. Красные Рощи Переславского (ныне Александровского) уезда Тимофеев и Дмитриев с товарищи владели

¹Шумаков, С. А. Обзор «грамот коллегии экономии» / С. А. Шумаков. — М.: Синодальная типография, 1917. — Т. 4. — № 1026.

²Там же.

³Там же, № 1027.

⁴Там же, № 1028.

⁵Там же, № 1075.

⁶Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. — 6 изд. — СПб.: Издание Александра Смирдина, 1852. — Т. 8. — С. 90.

⁷Шумаков, С. А. Обзор «грамот коллегии экономии» / С. А. Шумаков. — М.: Синодальная типография, 1917. — Т. 4. — № 1410.

землём, на которой стояла недостроенная церковь. Успенский монастырь, к которому была приписана церковь, хотел получить эту землю и выхлопотал её. Тогда крестьяне «тое церковные земли своим озорничеством пахать не дают и похваляютца смертным убивством».¹ Крестьяне за это были жестоко наказаны: «за непослушанье по сыску... учинить наказанье,.. бить батоги нещадно при многих людех, чтоб, смотря на них, иным их братье таким же плутам неповадно было так делать. А церковною землёю им владеть не велел».²

Фёдоровский монастырь имел на Трубеже большую мельницу, которая отбивала доходы у крестьян и стояла на крестьянской земле. Крестьяне, имевшие и так мало земли, зная, что с монастырями судиться всё равно без толку, в 1641 году июля в 3 день «сотцкой Никитка Омельянов с товарищи Фёдоровского монастыря мелницу на реке на Трубеже берег и заплотину разломали насилством без нашего указа; та де заплотина поставлена на их посадцкой земле».³

Монастыри, помещики и бояре, прижимавшие со всех сторон крестьян, однако, не могли спокойно владеть «своей» землёй, которая совсем недавно была крестьянской. Крестьяне давали организованный и сильный отпор, вплоть до экспроприации имущества захватчиков.

«В 203 (1694) году августа в день... (спасские) крестьяне Фёдоровского монастыря у крестьян покосили насилством своим сенных покосов... покоса де ту траву увезли к себе... да... зжав рожь свезли к себе. И в прошлом же де 203-ьем году августа в 23 день... они ж спасские крестьяне... многолюдством своим собрався нарядным делом, с ружьём и з дубьём, приезжали... разбоем... рогатую скотину и всякое мелкое животинное... стадо розбили... И в прошлом де в 203-м году... собрався великим собранием,.. хлеб яровой, зжав, свезли к себе».⁴

Вот это уже настоящая борьба. Краткие и отрывочные сведения дают нам картину о тех формах революционного движения, которые применяли крестьяне.

Наиболее интересно и полно освещают эту борьбу несколько документов уже XVIII века. Здесь уже подлинное восстание, которое не ограничивалось одними крестьянами.

Архимандрит Никитского монастыря Андрей, в середине января 1730 года, доносил в Святейший Синод о том, что бывший дьячок Пётр Черногаев агитировал среди крестьян против монастыря и, в частности, против самого архимандрита. Результатом этой агитации явилось отложение крестьян от монастыря. Крестьяне выгнали из деревень приказчиков и нарядчиков монастырских и написали жалобу на архимандрита в Синод.

И было о чём писать. Этот архимандрит Андрей Перхуров натворил много дел, результатом чего и явилось возмущение. Вот что он чинил в бытность свою в обители.⁵

«1) По вотчинным сёлам отымал у крестьян напрасно тяглую пашенную полевою землю и сенные покосы... в селе Красном взял с них (крестьян) взятки 5 пуд мёду... в селе Городищи взял пуд мёду и отмерял к монастырскому волоку тяглой пашни 11 десятин и после отмеру отдал ту пашню крестьянам безвременно, и ныне той пашни до 5 десятин лежит впусе, и за такими его нападками многие из крестьян с дворов своих навозов не возили; он же, архимандрит, брал взятки: в деревне Криушкиной 2 пуда мёду, в селе Филипповском 1 пуд мёду и голову сахару... в селе Фалелеевом (за скудостью мёду не дали) бил 26 человек крестьян нагих батожьём (один умер)» и так далее, «и от тех взяток крестьяне разорились вконец;

2) заставил крестьян в оброчной Кербуковской пустоши перелоги пахать 33 десятины, что прежде не бывало и отчего у крестьян тяглой своей земли многое число осталось не пахано;

3) своим вымыслом собрал с каждой выти по барану — 60 петровских баранов...

7) в нынешний 24-й рекрутский набор сбирал... всего 189 руб. 97 коп., а израсходовано... 23 руб. 10 коп., ...

10) собрал с каждой выти по осьмине ржи, всего 23 четверти с осьминою, чего прежде не бывало;

12) собрал по 2 пуда с выти, а всего 94 пуда свиного мяса».

Результатом этого и явилось возмущение. «С братиею, слугами, служебниками и крестьянами собравшись многолюдством»,⁶ пришли к архимандриту и забрали у него разного имущества на 113 р. 75 к.

¹ Там же, № 1442.

² Там же, № 1442.

³ Там же, № 1459.

⁴ Там же, № 1463.

⁵ Смирнов, А. В. Материалы для истории Владимирской губернии / А. В. Смирнов. — Владимир: Типо-литография губернского правления, 1906. — Т. 4. — № 485.

⁶ Смирнов, А. В. Материалы для истории Владимирской губернии / А. В. Смирнов. — Владимир: Типо-литография губернского правления, 1906. — Т. 4. — № 493.

Архимандрит пожаловался в Святейший Синод и оттуда были присланы солдаты для отыскания зачинщиков, в частности, упомянутого уже Петра Черногаева, дочери которого «по его приказанию биты были безвинно с ругательством», а имущество взято в монастырь, и крестьян с. Лучинского — Ивана Шурупа, с. Городища — Ивана Бозана, и с. Филипповского — Бориса Котрохова.

Тут-то и случилось нечто неожиданное. Когда явившиеся солдаты в деревнях хотели арестовать крестьян, за них вступились солдаты 5 роты Московского полка, и не только не дали арестовать зачинщиков бунта, но и хотели переломать посланным руки и ноги.¹

Это уже нечто новое. Впервые оплот государства — армия — по существу, те же крестьяне, вступились за своих братьев по классу.

Бунт принял немалые размеры и впервые все требования крестьян были удовлетворены. Арестованные крестьяне были освобождены, а об архимандрите Андрее было начато следствие. Дело обернулось для него неважно и он из-под домашнего ареста в Москве сбежал.

Дело кончилось полной победой крестьян, которым даже была выдана часть имущества архимандрита для покрытия разных незаконных сумм, собранных им.

Крестьяне успокоились, чтобы через некоторое время вновь начать свою борьбу против попов, помещиков и царя, кончившуюся их окончательной победой лишь 25-го октября 1917 года.

С. Васильев.
21 ноября 1932 года.
(Дата по почтовому штемпелю.)

¹ Там же. — № 481.